

28.11.2002

ЧЕЛОВЕК-РАДИО

Некоторые его ругают, другие боготворят, но одно очевидно: Михаил Козырев — одна из самых заметных фигур отечественного музыкального радио, да и шоу-бизнеса в целом. За свои 35 лет он успел сделать многое. Самые громкие проекты, к которым Михаил Натанович приложил руку и сердце, — рок-фестиваль «Maxidrom», программа «Сумерки» (радио «Максимум» и НТВ), глобальные танцевальные вечеринки Maxidance, проект «Кинопробы», саундтрек к культовому фильму «Брат-2».

Но то, чем он гордится безмерно, — это «Наше радио» и радио Ultra. Именно Козырев — отец-основатель этих популярнейших среди продвинутой молодежи радиостанций, ориентированных на отечественный и зарубежный рок. Причем ту его часть, которую не слишком жаловали на FM-диапазоне до недавних пор.

На волнах «Нашего радио» звучали «Аквариум», «ДДТ», «Аукцион», «Кино», Земфира. Благодаря поддержке Козырева «в свет» вышли «Король и Шут», «Би-2», «Ночные снайперы». Многих из нынешних звезд открыл фестиваль «Нашествие», также организованный Козыревым. Ultra взорвалась голосами Мерилина Мэнсона, Бьорк, Курта Кобейна, БОНО. Меломаны в восторге — в отечественном эфире появились Bad Religion, Skunk Ananasiе, Oasis... Михаил Козырев занимает пост генерального директора синдикейшн-компании Ultra Production и лично продюсирует «Наше радио» и Ultra. Вы можете услышать его голос в программе «Чартов дюжина», а увидеть — в телесериале «Деньги», в спектакле «День Радио» и... в его собственном кабинете. Как всегда, Михаил Натанович ультрамодно одет, на пальцах блестят серебряные колечки, на шее — фенечки, на голове — вязаная шапочка...

Козырев Михаил

— Михаил Натанович, аудитория ваших радиостанций в основном молодежная — где-то от четырнадцати лет. И вы не отстаете от своих слушателей, судя по вашей одежде. Все эти шапочки, колечки... А в школьные годы, наверное, носили, как все, синий пиджак?

— Шапочки я носил всегда, сколько себя помню. Но в юности меня больше всего стремал помпон. Маме же казалось, что шапки с помпонами — самые теплые. Я в принципе не противостоял самому факту ношения шапки — на Урале зимой без нее не обойтись, но помпон был просто лоховским.

Это совершенно не мужской аксессуар. А кроме того, в такой шапке я превращался в законченного ботаника. Поэтому я помпона обрезаю. С галстуком тоже не складывалось...

Сейчас по долгу службы мне приходится ходить на переговоры с очень серьезными людьми, из финансово-инвестиционной сферы, например. Конечно, когда я, одетый примерно так, как сейчас, захожу в комнату, где сидят пять человек в костюмах не меньше, чем от Бриони, выглядит это странно. Они первые полчаса вообще не понимают, с чем меня «едят». Для них это совершенно

вопиющее нарушение этикета. Но я отвоёвывал себе свободу одеваться так, как хочу, и заниматься тем, чем хочу.

— Как формировался ваш музыкальный вкус? Пластинки на черном рынке покупали?

— Конечно. У нас в Свердловске черный рынок назывался Шувакиш. Это была станция ЖД, куда ходили электрички. Работала она только по субботам. Там можно было торговать винилом, можно было обмениваться. Это было феерическое приключение. Меломаны с большими сумками прохаживались по станции, предлагали пластинки и каждую мину-

ту боялись, что сейчас приедут менты и всех свинтят. Помню, был там очень смешной городской сумасшедший. На шее у него висел плеер, а сзади на лямках, как у рюкзака, огромная колонка, которая все время работала.

Самая жестокая подстава на Шувакише выглядела так: ты покупал пластинку «Дип Пепл», приходил домой, а там раздавалось типа «Заповедный мотив, заповедная даль...». Были фантастические экземпляры! Сам блин (пластинка — *Ред.*) — фирменный, на одной стороне, к примеру, «Лед Зеппелин», а на другой — Муслим Магомаев. Как это делали, непонятно. Подстав было много, ты же не мог прямо там проверить.

пластинку. Недавно я заказал себе «Иисуса...» на DVD и, включив, понял, что до сих пор помню все тексты и могу с любого места петь.

Что касается нашей музыки, то слушать я ее стал только после школы. В городе появились альбомы «Аквариума», «Кино», были еще знаменитые свердловские команды. Помню один из первых концертов «Агаты Кристи», когда они еще так и не назывались, помню как начинала Настя Полева...

— Вы, насколько я знаю, очень хорошо учились, окончили школу с медалью. И при этом не были ботаником?

— А что, разве такого не бывает? У меня были вечные проблемы с поведением. С другой стороны, у нас школа сама по себе считалась вольницей по сравнению с другими. При этом у меня и семья была соответствующая. Не то, чтобы диссидентская, но... Мама — режиссер, папа скрипач. На кухне у нас стоял приемник, по которому транслировались «Голос Америки» и Би-Би-Си. Мне всегда говорили, что официальной «правде» верить нельзя, что всегда и все надо подвергать сомнению. Это помогло правильному выстраиванию системы координат.

Кроме того, на формирование моего музыкального вкуса повлияла школа. Я же учился в английской спецшколе, где язык преподавали с первого класса. И школа моя была абсолютно битловская. «Битлз» были иконами, на которые класса с пятого молились все. Слушал «Квин». Большое воздействие оказала рок-опера «Иисус Христос — суперзвезда». У моего одноклассника отец был выездной, вот он-то и привез

— Родители для вас были авторитетом?

— Абсолютно точно. Так и осталось до сих пор.

— Советовались с ними, когда уезжали в Америку?

Handwritten signature or initials.

– Да, конечно. Собственно в это время меня уже сложно было бы переубедить, но при этом я посчитал своим долгом с ними поговорить. Даже несмотря на то, что уже жил отдельно.

Наверное, в жизни каждого человека есть период – в 15-16 лет, – когда ты восстаешь против родителей. У меня этого не было никогда. Я никогда не подвергал сомнению их авторитет. Понятно, что бывали ссоры, конфликты. Но я никогда не убежал из дома, не хлопал дверями, не ночевал у друзей из-за того, что «дома все осточертело». Единственное, что меня очень парило, – то, что у меня мама дико нервная. Только в фильмах Вуди Аллена можно встретить более нервную еврейскую маму, чем моя. В восьмом – девятом классе она могла меня встретить у школы. Представляете: весь день стараешься заработать себе авторитет правильного парня, а тут тебя мама встречает... Я готов был сквозь землю провалиться.

– Вы закончили медицинский. Как получилось, что сын режиссера и профессионального музыканта пошел учиться на врача?

– Папа был категорически против того, чтобы я занимался музыкой. И я понимаю, почему. Профессиональная карьера скрипача – это адский труд, который к тому же у нас нищенски оплачивался. При этом я не помню ни одного дня, когда бы отец не занимался на скрипке, включая первое января и день своего рождения. Он по три часа проводил с инструментом каждое утро.

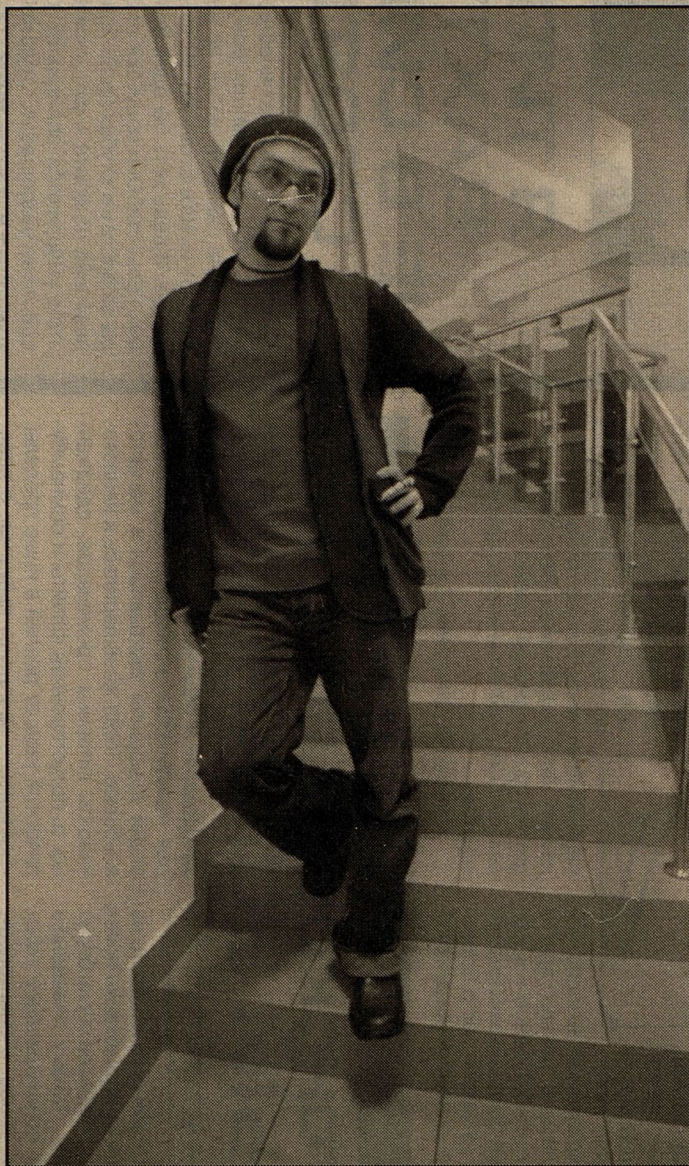
Папа хотел, чтобы я стал математиком. Но я вышел таким гуманитарным чуваком. Ехать в Москву поступать в интересующие меня вузы было бессмысленно. Во-первых, у меня не было связей; во-вторых – с Урала; в-третьих – еврей. То есть шансов никаких, даже близко не подходи. В Свердловске же ни одно гуманитарное учебное заведение не давало брони от армии, кроме медицинского. Самое смешное, что поступив-таки в медицинский, я попал в армию, потому что через два года бронь сняли.

– В спектакле «День радио» ваши подчиненные такие молодцы. Все у них так лихо получается, просто герои. А люди, которые работают на вас здесь, – они герои?

– Да, конечно. Пьеса ведь, при всем гротеске, создавалась под впечатлением того, что происходило здесь, в наших офисах и студиях. Радио – командный медиум, так же, как телеканал или газета. Люди, которые работают у нас, занимаются этим абсолютно самоотверженно. Именно благодаря влюбленности в эту музыку и преданности идее, которая изначально была заложена в каждый из наших проектов, получается так классно. Я верю, что общий настрой, который существует внутри коллектива, отражается на эфире. Мне кажется, если поставить такой абсурдный эксперимент – дать двум разным командам одну и ту же музыку, и чтобы они каждый час играли одинаковые пятнадцать песен, то у одних получится классная радиостанция, а у других халтура. Радио, в частности, наши станции, это, конечно, дело одержимых творчеством и любовью к музыке людей.

– На радио «Ультра» есть замечательная новостная программа, которую ведет некая Раиса Ивановна. Расскажите, кто это такая или кто такой.

– Раиса Ивановна – реальная абсолютно Раиса Ивановна Ша-

«Я недавно вычитал чудную фразу: «Только мелкие, незначительные люди реагируют на мелкие, незначительные статьи». В конечном счете, понятно, все это – шелуха, тлен, который исчезнет, а дело, которое ты делаешь, останется. Но я еще не дошел до того состояния дзен-комфорта, в котором можно с закрытыми глазами пропускать мимо ушей невероятное количество оскорбительных и злых отзывов».

1999 год. Вручение премии Попова.

банова. Она невероятно заботливая и трогательная. Работала пятнадцать лет на Гостелерадио, читала новости.

Сначала возникла идея. Надо было найти человека. Я достал телефоны дикторов Гостелерадио и начал звонить. «Здравствуйте, – говорил я. – Вас беспокоят с такого-то радио. Я бы хотел предложить вам работу. Нужно читать новости о зарубежной музыке на молодежном слегне, но в совершенно несвойственной сегодняшнему радио манере». И приводил пример: «Нехило протусовалась на этой неделе Мадонна. Они с Гаем Ричи решили завести очередного спиногрыза. Все будет чики-пики, бай». На том конце провода возникла пауза и следовала такая фраза: «Нет, вы знаете, это ни за какие деньги, я не настолько нуждаюсь». Долго звонил. Дошел по списку до Шабановой Р.И. Звоню. Говорю. Ответ: «Когда можно прийти на пробы?». Я после стольких неудач не поверил собственным ушам. «Вы, – говорю, – наверное, меня не поняли». А она возьми и скажи: «Нет, я поняла. Знаете, я ведь в советские времена еще и не такую пургу несла». Все! Она! Удивительная женщина, открытая для новых впечатлений. Звезда! Все ученики школы, в которую ходят внуки Раисы Ивановны, – ее поклонники, пасутся у подъезда ее дома, автографы берут.

– Михаил, с одной стороны, вы человек явно творческий, с другой – генеральный директор. Как в вас уживаются две эти роли?

– Когда мне предложили руководить создающимся в тот момент радиохолдингом, я встретился с Мартином Пампадуrom, который непосредственно принимал меня на работу. Во время встречи он сказал: «Ты все-таки должен сам определиться, чего тебе хочется больше – заниматься только творчеством, или одновременно быть еще и первым лицом и нести ответственность за все». И я выбрал. Я понял, что лучше буду сам за все отвечать. Пусть у меня уходит много времени на те вещи, которые нравятся мне гораздо меньше, чем творческая часть, но зато надо мной нет человека, который может мне сказать: «Вот на эту программу у нас есть деньги, а на эту нет».

Конечно, у меня бы ничего не получилось, если бы не команда, костяк которой сформировался еще на радио «Максимум». Дру-

гое дело, что отвечать за все мне. Четыре раза в год я сажусь напротив учредителей, и нужно взглянуть им в глаза и сказать – выполнен план или нет. И, слава Богу, еще ни разу не было, чтобы я пришел и сказал – мы не выполнили.

Отвечая за все, я ощущаю гораздо больше свободы и уверенности, зная, что именно в этом кабинете формируются решения всех внутривостанционных проблем. Очень много вещей невозможно прописать. Но в целом мне сказали: «Мы приобретаем частоту, и ты делаешь все, что считаешь нужным, лишь бы это было успешно с точки зрения бизнеса. Мы в тебя верим, но уж если ты облажаешься – не обессуди, пощады не будет». Так что, если мы реально лажаем – моя голова полетит критикой.

– Вас постоянно критикуют коллеги, музыканты, критики. Не задевает?

– Не могу сказать, что отношусь к этому индифферентно. Хотя... Я недавно вычитал чудную фразу: «Только мелкие, незначительные люди реагируют на мелкие, незначительные статьи». В конечном счете, понятно, все это – шелуха, тлен, который исчезнет, а дело, которое ты делаешь, останется. Но я еще не дошел до того состояния дзен-комфорта, в котором можно с закрытыми глазами пропускать мимо ушей невероятное количество оскорбительных и злых отзывов. Есть только несколько людей, из уст которых я готов принимать любую критику, поскольку я их уважаю с точки зрения профессии. Большинство же авторов... Дайте мне полтора часа, и я напишу в два раза талантливее, интереснее, ярче. Я это умею делать лучше, чем большинство журналистов, которые пишут о музыке. Но причины, по которым эти перья заострены против меня, в каждом случае разные, хотя в общем они складываются в один вектор.

Я стараюсь ввести рок и поп-рок в массовую культуру, поэтому я некомфортная фигура для людей, пришедших из классического, патриархального рок-н-ролла. Для них словосочетание «массовая культура» само по себе оскорбительно. Это целая плеяда журналистов, которые во времена подпольных изданий были властителями умов. Сейчас от их мнения и благословения судьба молодых коллективов уже не зависит. А от моего, как они считают, зависит. Хотя на самом деле все зависит только от качества продукта.

С другой стороны, истеблишменту я очень неприятен, просто как бельмо на глазу, поскольку я стараюсь этот истеблишмент разрушить изнутри, ведь он у нас насквозь фальшивый. И все помножено на зависть.

Честно говоря, меня каждый раз эти статьи выбивают из колеи. Для меня радио – дело, в которое я вкладываю душу, поэтому, когда в эту душу плюют, очень обидно. Я готов с каждым из этих людей сесть за стол и сказать: «Давай, предъяви претензии. Я тебе все объясню».

– А зачем объяснять?

– Хочется всем доказать свою правоту. У меня всегда была уверенность в том, что то, что мне кажется истиной, – это действительно истина или близко к ней. Это нескромно прозвучит, но мне хочется вывести людей на свет. Мне недостаточно самому ощущать кайф от этой музыки. Мне хочется поделиться этим кайфом с другими.

Встречались
Сабина ДАДАШЕВА,
Игорь ИВАНДИКОВ (фото)

Handwritten signature and initials in the bottom right corner.